

ГОРЬКИЕ ДУМЫ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Грустную картину являет мне родное село Афонькино в нечастые бывания к дорогим могилам. Присевшие, как от испуга, дома, некогда гордо украшавшие улицы, опустевшая школа – на тридцать комнат тридцать же учеников, непривычно тихий клуб... Все изменилось. В пятидесятые, в пору моего детства, в селе был колхоз «Красная поляна», которым руководил местный толковый полуграмотный мужик Гриша Андреев. Колхоз первым в районе построил электростанцию, первым провел водопровод, свои арбузы из Сибири возил на ВДНХ, за что получил тысячу книг, я, восьмилетний, помогал носить коробки в сельскую библиотеку. На наших увалах родились все злаки, и сусек в холодных сенках нашей избушки был полон мукою и пшеницей. За все эти успехи колхоз при очередном укрупнении получил высшее имя – Ленина.

Живя в глухой деревушке соседнего района, так уж сложилось, я с болью следил за переменами на малой родине. Совхоз, потом СПК, потом еще что-то – шло реформирование сельхозпредприятий. Вдруг появился «хозяин», не из наших, из чужих палестин. «Хозяин» срубил куш, останки продал, потом «хозяева» менялись уже каждый год, а ушедшим летом некогда щедрая на зерно пашня дружно родила осот и лебеду. Фермы пусты, и ветер напрасно ищет, кого бы поугасть. Страшно, но на деревне не слышно коровьего «му-у-у», и пастух уже не щелкает кнутом за околицей, собирая стадо.

В десятые годы две мощных кампании бульдозером прошли по родной земле: интеграция и оптимизация.

Первая есть продолжение искусственного создания неперспективных деревень (по Заславской и Аганбегяну), которые, лишённые производства, обречены на исчезновение. Интеграция – присоединение к более сильным частным предприятиям слабых кооперативов и крестьянских хозяйств, самый простой способ вернуться к крупно-товарному производству. Так бесславно похоронено романтическое (или подленькое?) увещевание агрореформаторов, что фермер прокормит страну. Именно под этим лозунгом они разгоняли колхозы и совхозы с усердием ничуть не меньшим, чем их предки проводили коллективизацию. Результатом этой кампании стало создание в каждом районе двух-трех крупных предприятий, а деревни, не попавшие в их зону, из производства выпали, люди живут натуральным хозяйством.

Оптимизация взорвала остатки социальной сферы. В малых деревнях закрыли школы, клубы, медпункты. Власти объяснили все просто: содержать эти объекты экономически невыгодно, надо «оптимизировать» затраты на сельскую культуру, медицину, школу. Больной и книгочей в малой деревне дорого обходятся государству...

Когда последних стариков увозят на погост или переселяют в двухэтажки райцентра, обезлюдевшая деревня, униженная своей ненужностью, угасает. Сохранившиеся бревна ее изб и домов предприимчивый люд развозит на бани и гаражи. Потом приезжают ставшие горожанами птенцы деревенского гнезда и стыдливо ставят камень с выбитой эпитафией: «Здесь была...». И, конечно, уже никогда не будет.

По роду своей журналистской работы знал многих сельских руководителей из председательского и директорского корпуса. В основном это были люди толковые, понимающие свое предприятие как основу всей жизни входящих в него сел и деревень. Они не видели ничего противоестественного в том, что хозяйство тратит силы и средства на строительство дома культуры, средней школы, магазина, медпункта. Мы все считали село и хозяйство в нем единым социально-экономическим комплексом, даже организмом, друг без друга они существовать не могут. И мы были правы. Когда разогнали совхозы и колхозы, падение всей социальной надстройки было предопределено.

Возможны ли перемены к лучшему? Предпосылок к тому нет. Мне известны крупные и экономически состоятельные частные или акционированные сельхозпредприятия, отметившие пятнадцати – и двадцатилетние юбилеи, но их руководители озабочены только производством и прибылью, что полностью соответствует заявленным в уставах целям. Обязаны они вникать в проблемы сел и деревень? Юридически – нет, а другие нормы сегодня не особо в чести. Надеяться, что государство снизойдет до участия в возрождении деревни, более чем наивно. С каждым новым назначением отраслевого министра крестьяне испытывают унижение и стыд: железнодорожник, врач, теперь вот юрист...

Село мое родное... Иду по улицам детства и смахиваю слезу со щеки, чтобы никто из земляков не заметил и не спросил, по ком я плачу. Что я отвечу?

Николай Ольков, писатель.
Тюменская область.